

“КНИГА ЗРЕЛИЩ” МАРЦИАЛА О ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРСКОГО РИМА I—II ВВ. Н. Э.

Е. С. Савина

Воронежский государственный университет

В данной статье рассматривается творчество крупнейшего поэта-эпиграммиста I—II вв. н. э. Марциала — автора пятнадцати книг эпиграмм, среди которых особое место, на наш взгляд, занимает так называемая “Книга зрелищ”. Ее уникальность состоит в том, что Марциал не ограничивается простым описанием происходящего на арене, но обнажает ряд важных общественно-политических явлений, позволяющих нам полнее и глубже раскрыть жизнь императорского Рима I—II вв. н. э. Поэт дает оценку императору и его политике, по-новому трактует проблему доноительства и доносчиков, раскрывает отношение разных слоев римского общества к жестоким играм и развлечениям, сопряженным с насилием и смертью.

Марк Валерий Марциал — крупнейший римский поэт-эпиграмматист, творчество которого приходится на времена императоров Тита, Домициана, Нервы и Траяна. Марциал хорошо известен читателю по его произведениям, дошедшим до наших дней с редкой для античного писателя полнотой.

Сохранилось большое собрание эпиграмм, изданных отдельными небольшими книжками самим поэтом. Этот сборник включает в себя пятнадцать книг.

Во-первых, он содержит книгу эпиграмм, обычно называемую “Книгой зрелищ” (*Liber spectaculorum* или *de spectaculis*), хотя такое название и не восходит к самому Марциалу. Во-вторых, в собрание входят двенадцать книг (I—XII) эпиграмм на разные темы, созданных, вероятно, между 85 и 102 гг. н. э. и изданных в основном при Домициане¹. Важной отправной точкой для датировки служат замечание самого поэта, что он писал примерно по одной книге в год:

Если едва в целый год выходит
одна моя книга,
Праздность мою ты винишь в этом,
ученый Потит.
(*Mart.*, X, 70, 1—2)

В-третьих, в сборник вошли две книги (XIII—XIV) “Посвящений” (*Xenia*) и “Гостинцев” (*Apophoreta*) — надписей для подарков, посылаемых друзьям и раздаваемых гостям в декабрьский праздник Сатурналий. Вероятно, поэт опубликовал их в декабре 84 или 85 г.²

© Савина Е. С., 2006

¹ Подробнее о хронологии эпиграмм см.: *Cironi M.* изд., кн. I, 1975, *Introduzione*, “*Problemi di cronologia*”; *Ego же*, *Pubblicazione e dediche dei libri di Marziale*, *Maia* 40, 1988. — P. 3—39.

² *Martin A.* *Quand Martial publiat-il ses Apophoreta?*, *ACD* 16, 1980. — P. 61—64 (декабрь 85 г.); *Pitcher R.A.* *The dating*

Особое место в творчестве Марциала, по нашему мнению, занимает “Книга зрелищ”, написанная в память открытия в 80 г. императором Титом амфитеатра Флавиев (Колизея) и происходивших там уже при Домициане представлений. Уникальность ее состоит в том, что Марциал не ограничился простым описанием происходящего на арене, но обнажил ряд важных общественно-политических явлений, позволяющих нам полнее и глубже раскрыть жизнь императорского Рима I—II вв. н. э.

На наш взгляд, особый интерес в “Книге зрелищ” представляет пропаганда поэтом божественной сущности императора посредством аллегорий или соответствующих сюжетов из греко-римской мифологии.

В Цезаре есть божество! Его сила
и воля священны! —

(*Spect.*, 29(30), 6)

говорит Марциал, сравнивая императора Домициана с богом. Поэт подчеркивает невероятную силу и мощь правителя с помощью эпизода из мифа, в котором орел нес в своих когтях мальчика Ганимеда и не причинил ему никакого вреда, так как подчинялся самому Юпитеру (I, 6).

... Не по приказу он [слон] делает так,
вожаком не научен:

Нашего бога и он чувствует, верь мне, в тебе.
(*Spect.*, 17, 3—4);

или:

... К милосердию такому не приучишь
Львов, но знают они, кто их владыка.

(I, 104).

Уже эти отрывки дают нам представление о могуществе римского правителя, перед которым

of Martial, Books XIII and XIV// Hermes 113, 1985. — P. 330—339 (кн. 13 и 14 не прежде кн. 4).

преклоняются даже звери, и звучат как руководство к действию для людей:

Должен каким же быть нрав у людей
при правителе нашем,
Если и норы зверей может он
властно смягчать.
(Spect., 10, 5—6)

В своих эпиграммах поэт одобряет и политику императора, который
...свой твердо закон соблюдал...
Всюду закон у него — в частных пирах
и дарах...
(Spect., 27(29), 4, 6)

Иначе, чем у других античных писателей, трактуется Марциалом проблема доноительства и доносчиков. Если, например, Светоний называет Домициана “...гонителем и палачом всех добропорядочных людей” (Suet. Domit., 13), поскольку во время его правления широкое распространение получили процессы об оскорблении величества, сопряженные с гибелью множества римлян, то поэт считает подобные действия оправданными и заслуживающими похвалы:

В ссылку доносчик идет, из столицы
Авзонии изгнан:
Это нам надо причесть также к подаркам
вождя.
(Spect., 4, 5—6)

Особенно интересна эпиграмма, в которой Марциал пытается убедить мирных жителей не бояться похода Домициана на Дакию, тем самым поддерживая его внешнеполитический курс:

Что же от пасти бежишь ты льва
благодарного, заяц?
Этаких мелких зверьков ведь не терзает она.
...Заяц — добыча собак — не насытит
огромного зева:
Должен ли Цезаря меч Дакии сына пугать?
(I, 22, 1—2; 5—6)

В целом поэт дает положительную оценку правления Домициана, суть которой, по нашему мнению, заключается в следующих словах:

...Рим возродился опять:
под твоим покровительством, Цезарь...
(Spect., 2, 11)

В своем отношении к императору Марциал близок с придворным поэтом Стацием, творившим в это же время. Ряд стихотворений его сборника под названием “Сильвы”, непосредственно посвященные Домициану, изобилуют неумеренными восхвалениями таланту императора, его храбрости в походах и в то же время глубокого миролюбия (I, 1; II, 5; IV, 1; 2; 3).

Причины, объясняющие благоприятное отношение Марциала к Домициану и его правлению, можно трактовать по-разному.

Во-первых, это могло быть желание во что бы то ни стало получить признание как поэта в высших кругах римского общества и тем самым улучшить как общественное, так и материальное положение. Это легче было сделать при благосклонности к эпиграммисту императора и его приближенных. По крайней мере, выбор Марциалом карьеры клиента, по мнению некоторых исследователей, обосновывался именно этими мотивами³. По свидетельству самого поэта, подобная политика приносила желаемые результаты: он получил звание трибуна, “право троих детей” (III, 95); в окрестностях Номенты у него было поместье (IV, 43), в Риме — собственный дом и пригородная усадьба (IX, 18; 97) и т.д.

Во-вторых, посредством своего творчества Марциал, возможно, пытался повлиять на общественное мнение, на отношение римлян к императору и его политике, которая оценивалась неоднозначно, вне зависимости от мотивов автора. Таким образом, можно говорить о политической направленности и злободневности эпиграмм Марциала, что, на наш взгляд, не было чуждо и его современникам — сатирикам Персию Флакку и Ювеналу. Однако данная точка зрения не нашла поддержки у ряда исследователей — филологов, считающих подобные произведения неадекватным отражением конкретной действительности, обличающими уродливые явления человеческой жизни вообще⁴.

В-третьих, вполне вероятно, что Марциал в условиях отсутствия свободы слова просто не мог выразить свое реальное отношение, так как только со смертью Домициана наступили “...годы редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает” (Hist., I, 1). С этого времени заметно изменение тона эпиграмм, которые перестают изобиловать похвалой и лестью, а в адрес императоров появляется даже острая критика:

Флавиев род, как тебя обесчестил
твой третий наследник!
Из-за него не бывать лучше б
и первым твоим.
(Spect., 33)

³ Петровский Ф.А. Марциал // История римской литературы. — М.: 1962. — Т. 2. — С. 199; Олсуфьев А. Марциал. Биографический очерк. — М.: 1891. — С. 37.

⁴ Дуров В.С. Жанр сатиры в римской литературе. — Л.: 1987. — С. 124; Покровский М.И. История римской литературы. — М., Л.: 1942. — С. 342.

Еще одна важная проблема, которую затрагивает поэт в “Книге зрелищ”, связана с отношением разных слоев римского общества к играм и развлечениям, которые отличались особой жестокостью, — боям гладиаторов, звериным травлям и т.д. Для более глубокого понимания этой темы мы обратимся к другим античным авторам данного периода, Тациту, Светонию, Петронию, Плинию Младшему, Ювеналу.

Можно отметить, что, несмотря на столь антигуманный характер подобных зрелищ, сильного протеста или осуждения они не вызывали.

“...Хлеба и зрелищ!” (X, 81) — вот то, что, по мнению Ювенала, интересовало простых римлян. Ему вторит Петроний, говоря об одном из застолий Тримальхиона, с восторгом ожидавшем игр, которые будут длиться на праздниках три дня: “...наш Тит ... оружие даст превосходное; убежать — это шалишь — бейся насмерть; пусть весь амфитеатр видит” (Petр., 45). Такое отношение, видимо, было распространено не только в низших кругах. Так, Плиний Младший в “Панегирике Траяну” воспекает императора за то, что “Как свободно можно теперь увлекаться зрелищами...!” (Plin., Paneg., 33).

Не вызывала осуждения и смерть людей на арене. По справедливому замечанию М. Е. Сергеевко, жизнью гладиатора не дорожили, как жизнью

солдата, и его смерть для зрителей — только источник развлечения⁵. Например, в казни преступников, которая проводилась зрелищно и жестоко, Марциал видит не трагедию, а символический смысл. Так, в 7 эпиграмме “Книги зрелищ” описывается, как преступник Лавреол, убивший или отца, или господина, или укравший “потайное золото храмов”, или изменивший родине, был распят на кресте и брошен на растерзание медведя. Или случай с другим преступником, которого заставили играть роль Муция Сцевола и положить руку на пылающий очаг (X, 25, 1—2).

Можно предположить, что столь пристальное внимание к данной теме и спокойное отношение к ней объясняется тем, что в императорском Риме I—II вв. н. э. внезапная смерть стала повседневным явлением (Suet. Calig., 27—33; Nero, 33—37).

Тем не менее присутствовало и негативное отношение к подобным действиям. Например, философ Сенека, делясь с Луцилием своими впечатлениями от гладиаторских боев, пишет: “...Нет ничего гибельнее для добрых нравов, чем зрелища, ведь через наслаждение еще легче прокрадываются к нам пороки” (Epp., VII, 2).

Таким образом, отношение в обществе к жестоким видам зрелищ было неоднозначным, даже среди представителей мыслящей интеллигенции.

⁵ Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима. — СПб., 2002. — С. 247.